

Содержание

Василий Владимирский	
Альтернатива. От составителя	9
Алексей Сальников	
Юрий Коваль «Катамант»	15
Ника Батхен	
Варлам Шаламов «Страна Уран»	63
Тимур Максютлов	
Василий Шукшин «Бирюк с Европы»	97
Дарья Бобылёва	
Андрей Битов «Сговор»	115
Эдуард Веркин	
Север Гансовский «Физики»	127
Елена Клещенко	
Владимир Орлов «Людмила и Мелия»	201
Владимир Березин	
Фазиль Искандер «Ореховый лес»	233

Ина Голдин	
Виктор Конецкий «Помполиморсос»	255
Ася Михеева	
Михаил Анчаров «Монтанай-69»	287
Николай Караев	
Василий Аксёнов «Марсияние близ “Кантинуума”»	303
К.А.Терина	
Юрий Рытхэу «Песни снежного кита»	327
Сергей Кузнецов	
Александр Галич «Право на отдых»	357
Об авторах	444

Это направление называется «альтернативная история» (она же — просто «альтернативка»).
Я отношусь к произведениям такого толка с большим уважением и интересом. <...> Размышления над ними и споры вокруг них позволяют иногда понять очень важные вещи, обнаружить скрытые пружины исторического процесса, просто «почувствовать» историю, наконец, ощутить её «на вкус, на цвет, на запах».

Борис Стругацкий, из онлайн-интервью

Альтернатива

От составителя

Фрукт — яблоко. Река — Волга. Поэт — Пушкин. Главные отечественные фантасты второй половины двадцатого века — братья Стругацкие.

Мы говорим «Стругацкие», подразумеваем — советская фантастика. Говорим «советская фантастика», подразумеваем — Стругацкие. Да, разумеется, вклад Ивана Ефремова, Владислава Крапивина и Кира Булычёва в формирование «советского мифа» 1950–1980-х велик и ценен. И не только их: в эпоху расширения горизонтов литературы вообще и фантастики в частности новые пути азартно торили Дмитрий Биленкин и Владимир Савченко, Илья Варшавский и Генрих Альтов, Ольга Ларионова и Ариадна Громова, Сергей Павлов и Сергей Снегов, Вадим Шефнер и Геннадий Гор, Емцев с Парновым и Войскунский с Лукодяновым, десятки других авторов, дебютировавших в период хрущёвской оттепели и чуть позже. Но только Стругацкие переоткрывали эти горизонты раз за разом, бесконечно меняли стиль, подход, набор изобразительных средств. Простодушная, но чрезвычайно привлекательная для читателей утопия, социальная сати-

ра, гротеск, комедия положений, лихой боевик, герметичный детектив, антиутопия, философская притча на библейском материале — всё это есть в их библиографии. Стругацкие не случайно оказались в авангарде научной фантастики (НФ) шестидесятых — и до сих пор остаются самыми читаемыми и самыми обсуждаемыми авторами той эпохи. В четыре руки братья-соавторы испекли грандиозный каравай, от которого можно отщипывать по маленькому кусочку и пережёвывать целую жизнь.

Но что, если бы вагонетка истории свернула на иные рельсы и АБС не пришли в литературу? Вариант вполне возможный. Аркадий Стругацкий мог погибнуть под артобстрелом во время эвакуации из осаждённого Ленинграда, как его отец, или пасть жертвой цунами 1952 года во время службы на Дальнем Востоке. Борис Натанович — умереть во время блокады или пойти учиться не на астронома, а на физика-ядерщика и навсегда исчезнуть в недрах какого-нибудь закрытого научно-исследовательского института. Таких точек бифуркации, разветвления на жизненном пути обоих соавторов хватало. Кто оказался бы в авангарде нашей «жанровой» литературы, если б феномен АБС не состоялся? Какая фигура в литературе второй половины двадцатого века сопоставима со Стругацкими по масштабу и многогранности?

Едва ли на такой статус мог претендовать кто-то из товарищей Стругацких по цеху — при всём уважении к их коллегам, братья-соавторы резко выделялись на общем фоне уже с первых своих книг. «Если же рассмотреть вариант, в котором “Стругацких нет и нико-

гда не было”, то в этом случае развитие советской НФ в шестидесятые годы сильно бы затормозилось. Большую роль в ней играли бы “старики-разбойники” времён “НФ ближнего прицела”. Многие темы, возможно, просто бы прошли мимо и советских фантастов, и их читателей. Значительная часть художественных проблем в НФ рассматривалась бы более однозначно и не так глубоко. И конечно же, сразу бы резко понизилась планка “литературности”, которую для НФ-книг братья Стругацкие подняли очень высоко», — отмечает историк и литературовед Глеб Елисеев. Но может быть, место в строю занял бы один из лидеров советской литературы 1950–1970-х, чьи имена мы редко связываем с фантастикой? Фазиль Искандер, Юрий Коваль, Василий Шукшин, Василий Аксёнов — все они отдали должное «нереалистической прозе», хотя об этом вспоминают не часто. Или даже Варлам Шаламов — представить такой поворот, конечно, непросто, но чем чёрт не шутит, пока Бог спит?

В этой антологии современные авторы рискнули исследовать целый веер альтернативных историй советской фантастики, пути вполне возможные и маловероятные, и попытались показать: что изменилось бы в литературе, какие темы, мотивы, интонации и смыслы появились бы в ней без Стругацких. Даже не то чтобы появились — стали более заметны, ярче очерчены.

Да, эксперимент рискованный: история, как известно, сослагательного наклонения не знает. Но Литература — иное дело: у этой дамы образование лучше, *subjunctive mood* она владеет на твёрдую пятёрку. Авто-

ры нашего сборника далеко не первыми ступают в эти опасные земли, населённые драконами и саламандрами.

Ещё в 1993 году со своей альтернативной версией «Истории советской фантастики», стилизованной под научную монографию, читателей познакомил Рустам Святославович Кац — под этой маской скрылся изобретательный, острый на язык критик и плодовитый писатель Роман Арбитман. По его версии, в 1934 году на Первом съезде Союза писателей СССР главенствующим методом советской литературы был провозглашён не социалистический реализм, а научная фантастика, причём фантастика космическая, — в результате о путешествиях на Луну наперегонки бросились писать все русскоязычные прозаики, от Фадеева до Солженицына. Казалось бы, очевидная мистификация, типичная *mockumentary*, но на книгу Р.С. Каца по сей день на полном серьёзе ссылаются профессиональные филологи, а фрагменты из неё цитируют в газетных статьях и телепередачах, претендующих на документальность.

В 1996 году американские фантасты отметили столетний юбилей романа Герберта Уэллса «Война миров» антологией *War of the Worlds. Global Dispatches* под редакцией Кевина Андерсона. Своими воспоминаниями о вторжении марсиан на страницах книги делились великие исторические персоны: Жюль Верн, Альберт Эйнштейн, Теодор Рузвельт, Марк Твен, Пабло Пикассо, Лев Толстой и Иосиф Сталин (в соавторстве). Руку к этому розыгрышу приложили Майк Резник, Говард Уолдроп, Роберт Силверберг, Барбара Хэмбли, Конни Уиллис, Дэвид Брин, Грегори Бенфорд — не последние имена в англо-американской НФ.

Похожий фокус показал Пол Ди Филиппо в рассказах из сборника «Потерянные страницы» (Lost Pages, 1998): писатель исследовал, как изменилась бы судьба человечества, если бы крупные фантасты 1920–1950-х выбрали иной жизненный путь. Например, если Роберт Энсон Хайнлайн выиграл бы выборы и стал президентом США, а отцом «золотого века американской НФ» был не физик-ядерщик Джон Вуд Кэмпбелл, а антрополог Джозеф Кэмпбелл, автор «Тысячеликого героя».

В 1996–2000 годах в серии антологий «Время учеников» под редакцией Андрея Черткова фантасты последнего советского поколения, выросшие на произведениях АБС, отдали должное метавселенной Стругацких, её мирам и героям. Правда, здесь авторы сиквелов и ремейков, от Михаила Успенского до Эдуарда Геворкяна, обошлись без бахтинского карнавала с переодеванием — возможно, напрасно.

Наконец, в 2011-м составители антологии «Классициум» Ярослав Веров и Игорь Минаков предложили современным фантастам представить, какими глазами увидели бы и какими словами описали бы обжитую и уютную Солнечную систему а-ля Саймак, Хайнлайн и Брэдбери классики-реалисты двадцатого века: Эрнест Хемингуэй, Владимир Набоков, Сергей Довлатов, Исаак Бабель, Максим Горький, Эрих-Мария Ремарк и т. д. Геннадий Прашкевич, Даля Трускинская, Владимир Данихнов, Антон Первушин, Олег Ладыженский отлично справились с задачей.

В нашей антологии альтернативные вселенные «без фантастов Стругацких» исследуют лауреат «Националь-

ного бестселлера» Алексей Сальников; финалист «Промисветителя» Елена Клещенко; номинант «НОСа» и финалист «Большой книги» Сергей Кузнецов; неоднократный обладатель «Заветной мечты» Эдуард Веркин; лауреат «Книгуру» и финалист «Ясной Поляны» Владимир Березин; трёхкратный «Мастер ужасов» Дарья Бобылёва; постоянный автор *Asimov's Science Fiction magazine* К.А.Терина и другие писатели — с разным мировоззрением, разным творческим почерком, авторы, которых объединяет лишь азарт естествоиспытателей и готовность заглянуть за грань реальности. Ну и то, что большинство из них номинировалось на премию «Новые горизонты», а Бобылёва, Веркин и Сальников стали её лауреатами, — но это уже детали. Писатели, с одной стороны, хорошо знакомые с традицией, а с другой — не чурающиеся эксперимента. Что на самом деле тоже вполне в традиции НФ.

На этом позвольте закончить напутственные речи. Странствие по альтернативным мирам «без Стругацких» начинается. Надеюсь, хорошая компания поможет вам преодолеть дорожные тяготы. Путешествие предстоит трудное, но увлекательное — так что присоединяйтесь, дорогие читатели, незаметно присоединяйтесь!

Василий Владимирский

30 июля 2023

Алексей
Сальников

Юрий Иосифович Коваль (9 февраля, Москва — ...) — советский и российский писатель, поэт и сценарист. Блогер.

Дебютировал как детский писатель, однако его роман «Довольно легко, а затем направо» (1976), переведённый на 24 языка, проложил путь Юрия Иосифовича во «взрослую» литературу. С 1980 года ведёт переписку с Куртом Воннегутом, который не раз отмечал, что «остроумие Юрия универсально, оно не теряется в переводе».

С наступлением 1990-х его творчество не потеряло актуальности. Впрочем, и романы, написанные с 1995 по 2000-й: «Суер-Выер», «Зелёные кирпичи», «Лёниеана», — оказали сильное влияние на российскую литературу. Спокойное, отчасти ироничное переосмысление травм прошлого и меткое описание новых российских реалий нашло отклик в творчестве ряда современных писателей, отчасти полемизирующих с Ю. К., отчасти обыгрывающих творческие находки Юрия Коваля: А.Г. Смагина — «Антик-утопия», В.Ф. Кротова — «К.И.Ч.-Ю.И.К», Д.Д. Сергеева — «Стремительные слоупоки на виражах» и др.

В 2006-м Юрий Коваль открыл свою страницу в «Живом журнале».

Википедия

Юрий Коваль

Катамант

Глава 1

Метеорит

Солнце светило будто сквозь старое оргстекло. Ссылный Фома Фомич Строничкин трясся в тракторе, пел, но сам не слышал, что поёт. Подпрыгивал вместе с трактором на кочках. Кочек в поле было так много, что, если и попадался ровный участок, Фома Фомич продолжал по привычке подсакивать на сиденье. Всё в целом было замечательно, разве что руки в антиволшебных рукавицах потели, и, хотя вокруг не было ни души, наш Строничкин не решался их снимать. Свежий воздух сквозил в тракторные щели, и помимо всяких машинных запахов в тракторе можно было различить ароматы сырой земли и примятой травы. «Вот сидел бы в городе, — думал Фома Фомич, — и только в парке бы нюхал это всё, как собака, которую выгуливают по утрам и вечерам. А так даже и непонятно: в чём наказание?» Эта мысль возвращалась к нему по кругу среди других беззаботных мыслей.

Он рыхлил туда-сюда, наблюдал за коровами то слева, когда ехал в один конец поля, то справа от себя, ко-

гда ехал обратно. Коровы тоже иногда поднимали на него головы с задумчивым видом. Пытались понять, чем занят Фома, зачем ему кататься в синей железной коробке, зачем гонять по полю хвост из желтоватой пыли.

Фома Фомич глянул на старые наручные часы, привезённые из города. До обеда оставалось пятнадцать минут. Ну как — пятнадцать? Четырнадцать оставалось. Уже можно было глушить двигатель и ковылять в сторону дома. Но как раз в этот момент звук машины изменился. Всегда до этого он походил для Фомы Фомича на скрежетание и звон двух будильников, если бы их Строничкину прислонили сразу ко всем ушам, а теперь туда вмешался нарастающий рокот, вроде грозового. И солнечный свет стал как будто разрастаться. Ясная погода превращалась в ещё более ясную, хотя с чего бы?

Фома Фомич остановил мотор, а грохот не только не прекратился — он усиливался. А ещё всё вокруг побелело, но приобрело резкие тени. Казалось, что аккуратно над головой Строничкина сразу миллион сварщиков ткнули электродами в металл. Коровы смотрели в небо. Их загадочные силуэты почему-то напоминали очертания жирафов, а их тени, внезапно растянувшиеся по пастбищу, — тем более.

На всякий случай Строничкин выпрыгнул из трактора и поглядел туда, куда уставились коровы, а они наблюдали за ярким пятном в вышине. Это яркое сияние помигивало и выглядело по-разному: то как солнечный зайчик, то распадалось на три слепящих огня, похожих на фонари железнодорожного состава, кото-

рый не собирается останавливаться на станции, а пролетает, как рука, когда ей крошки со стола смахивают. Ещё раз на всякий случай Фома Фомич слегка отбежал от трактора в резиновых сапогах, что стали внезапно очень тяжёлыми и просторными, упал ничком, не разбирая куда, закрыл уши руками. И не прогадал.

Сразу три вещи приключились почти одновременно. Всё на какое-то мгновение успело стихнуть, хотя чему было стихать? Птицы замолкли, вот затем, казалось, громко ударили хлопушкой по половику, и тут же ахнуло непередаваемо, разорвав воздух во все концы, так что нечем стало дышать, поскольку поднялось столько мелкого сора, что Фоме Фомичу казалось несколько минут подряд, что ему в лицо вытряхивают содержимое матерчатого мешка из пылесоса.

Стреничкин немножко попробовал бороться за жизнь, накинул на лицо фуфайку, слегка покочевряжился, но, совершенно очевидно, потерял сознание — буквально вот зажмурился, ведь в глаза тоже всякая ерунда набилась, а открыл глаза только тогда, когда почувствовал, что его кто-то в плечо толкает и в лицо дышит. Оказалось, что это корова за него так побеспокоилась — подошла. Фома Фомич встал, опёршись о бурёнку, обнял её за шею, погладил (а шерсть у коров мягкая, как у кошек, даже мягче) — и зачем-то заплакал. Около коровы телёнок бодался с пустотой, с ветром, наверно, делал понятные ему одному стратегические подскоки и увороты.

На месте, где раньше стоял аккуратный коровник, не было ничего, одно лишь марево, как над раскалённой сковородой. Фома Фомич только и смог что вздохнуть.